

ПРЕДИСЛОВИЕ

Международный коллоквиум «Человек и личность как предмет исторического исследования. Россия, конец XIX — XX в.», материалы которого публикуются в этой книге, состоялся в Санкт-Петербурге 7–10 июня 2010 г. Выбор темы конференции обусловлен повышенным интересом современной мировой исторической науки к изучению человека как исторически изменчивой единицы. Значительная часть докладов была подготовлена на основе междисциплинарного подхода и использовала достижения смежных гуманитарных дисциплин — философии, социологии, политологии, культурологии, психологии, филологии и искусствоведения.

Когда в той или иной научной аудитории речь заходит о роли человека в истории, то чаще всего возникает тема выдающейся личности, а научная проблема — по восходящей еще к Г.В. Плеханову традиции — сводится к изучению и обсуждению биографий великих людей, оценке их влияния на исторический процесс. Организаторам коллоквиума удалось избежать опасности свести проблему субъективности к этой теме. Заявки подобного рода были решительно отвергнуты. Отобранные для коллоквиума доклады затрагивали несколько основных теоретических проблем:

1. Как государство и общество способствовали формированию и продвижению определенных концепций о человеке и о личности в России с конца XIX и до конца XX столетия.
2. Как названные представления и практики влияли на самоопределение и поведение рядового человека и социальных групп.
3. Как самоопределение человека соотносилось с политическими потрясениями в истории России.
4. Какие методики применимы в области изучения человека как предмета исторического исследования в российском контексте.

Впервые за 20-летнюю практику международных коллоквиумов, проводившихся на базе Санкт-Петербургского института истории РАН с 1990 г., конференция 2010 г. значительно расширила хронологические рамки вынесенной на обсуждение научной проблемы, что позволило участникам дискуссии поставить и обсудить ряд вопросов, важных для понимания роли человека в крупнейших политических событиях России с конца XIX столетия и до крушения СССР:

какие идеалы личности вырабатывались участниками революционных событий начала XX в.; как формировались поведенческие нормы советских людей на разных этапах советской истории, в том числе в диалоге с иностранными моделями; как культ личности Сталина, а также его послесталинская критика и перестроечные процессы 1980-х гг. соотносились с представлениями о человеке и о его месте в обществе; как в общем изменялся тип личности российского человека на протяжении столетия.

Уже на стадии подготовки коллоквиума стало очевидно, что понятие «личность» весьма многозначно и применяется представителями различных научных школ и научных направлений с отличающимися друг от друга смысловыми оттенками. Обсуждение докладов, представленных в первой секции «Личность в истории России: Теория и методология», позволило сформулировать предмет и проблематику дискуссии, выявить особенности понимания проблемы субъективности российскими и зарубежными исследователями.

Большой интерес вызвал доклад Г.С. Померанца (Москва) «Становление личности сквозь террор и войну», продемонстрировавший пример саморефлексии и самоанализа советского интеллигента на основе личного опыта и личных переживаний драматических событий советской истории, выявивший интенсивную обоюдную связь между самоанализом и самодовлеющими реалиями советского государства. Эта тема получила продолжение в докладе Райнера Гольдта (Ун-т Майнца, Германия) «Личность и этос науки в позднесоветский период: Об одном „померанцевском подтексте“ у братьев Стругацких», рассмотревшем проблему формирования нравственного идеала личности ученого в условиях постсталинского времени.

Николай Плотников (Бохумский университет, Германия) предпринял весьма плодотворную попытку проанализировать рефлексию философского языка на понятия государства и личности в русской интеллектуальной истории. Методологическая эффективность его подходов к проблеме проявилась в стремлении рассмотреть глобальные идеологические и мировоззренческие противостояния в виде различия понятий, употребляемых в этих противостояниях, и рассмотреть исторические трансформации того общего словаря понятий, что используется для отображения и обоснования самых непримиримых идеологических позиций.

Поставленная Плотниковым проблема конфликта государства и личности в истории России, проблема отчуждения личности от государства, доходящая до его отрицания и до отрицания человеком всех связанных с государством правовых порядков, получила развитие в дискуссии и стала одной из основных тем обсуждения в ходе коллоквиума.

Еще одно важное направление в дискуссии задал А.С. Сенявский (ИРИ РАН, Москва) в докладе «Трансформации российского общества в XIX–XX вв. и личностные модели поведения», заострившем внимание на проблеме соотношения коллективизма и индивидуализма, традиционализма и модернизации в российской истории. Некоторые положения его доклада и выступлений в дискуссии, касавшиеся оценки коллективизации, западного влияния на развитие страны, и ряд других вызвали критику и породили острую дискуссию.

Доклады, представленные во второй секции, послужили основой для обсуждения проблемы самоопределения человека в условиях политических потрясе-

ний конца XIX — начала XX в. Обостренный интерес творческой интеллигенции России рубежа XIX–XX вв. к личности обер-прокурора Святейшего синода К.П. Победоносцева позволил А.Ю. Полунову (МГУ) поставить вопрос о том, насколько восприятие этой неординарной личности яркими представителями художественной и литературной среды соответствовало реальным чертам его характера. Автор доклада пришел к выводу о том, что представители творческой интеллигенции «весьма свободно трактовали его образ, „вчитывая“ в него свои представления о том, каким должен быть типичный представитель самодержавной государственности, какие черты в его облике должны преобладать».

К.Н. Морозов (НИПЦ «Мемориал», Москва) в докладе «Феномен субкультуры российского революционера начала XX в.» отказался от попытки вывести один усредненный «типаж» революционера и пришел к выводу об отсутствии в российской революционной среде субкультурной однородности. Очертив сложные процессы формирования субкультуры революционера, подчеркнув различия, как групповые, так и временные, отметив сходство и различие с молодежной контркультурой и уголовно-криминальной субкультурой, докладчик сделал акцент на поисках системообразующих элементов субкультуры революционера, к которым он отнес «систему поведенческих норм, регулируемых „общественным мнением“ социума, намечающим границы допустимого и недопустимого».

К.Н. Морозов отметил, что на формирование субкультуры революционера сильное противоречивое воздействие оказало противостояние в революционной среде двух взаимоисключающих тенденций: попытки претворить в нормах своей субкультуры идеалы свободы, равенства, братства, с одной стороны, и поставить во главу угла интересы «революционного дела», «политической целесообразности» — с другой. Сосуществование и непрекращающаяся борьба этих двух взаимоисключающих принципов и их живых носителей, по мнению автора, позволяла существовать в одном пространстве личностям, имевшим куда меньше общих черт, чем различных. Представляется важным утверждение автора о том, что «ключ для разгадок некоторых проблем нужно искать не в программах и в идеологиях, а в самом человеке, в психологии и взаимоотношениях людей, в морально-психологическом состоянии исследуемого социума и всего того, что детерминируется субкультурой данного социума».

Основой доклада Е.Е. Левкиевской (ИС РАН, Москва) «Ребенок и революция: Становление личности в кризисную эпоху» послужило исследование большого корпуса сочинений учеников русских эмигрантских гимназий 1923–1925 гг., рассмотренных автором как эго-тексты, отразившие травматические исторические события, пережитые в рамках индивидуального жизненного опыта ребенка в период его личностного становления. Проследив специфику формирования у детей разных возрастов социальной идентичности в условиях политической катастрофы, Левкиевская отметила особо важную роль семьи в качестве «почти единственного авторитетного транслятора норм и оценок, на основе которых ребенок интерпретирует происходящие события» и «почти единственного источника формирования системы ценностей и картины мира».

Применив методы социальной психологии к анализу текстов ученических сочинений, автору удалось показать, что травматическая социализация ребенка формировалась «как осмысление принадлежности к своей социальной группе

и декларируемым ею ценностям через столкновение с агрессивной „чужой“ политической силой, которая отрицается как антипод нравственным нормам и эталонам, как разрушитель этих норм».

В.П. Булдаков (ИРИ РАН, Москва) в докладе «Деструкция личности революционера в России, 1920-е гг.» основным объектом исследования выбрал не профессионального революционера дореволюционного времени, а типаж «стихийного большевика» — неопита, втянутого в революционные события, захваченного «энергией разрушения» и уже неспособного вернуться к «конструктивной жизнедеятельности». Проанализировав большой корпус неопубликованных писем коммунистов Сталину с привлечением воспоминаний и художественной литературы 1920-х гг., докладчик пришел к выводу о парадоксальности структуры личности революционера, которую определяет «гипертрофированное чувство личной ответственности за „неудачи истории“». Этим, по мнению автора, обеспечивается и готовность к самопожертвованию ради «высокой» цели, и склонность к полному распаду в случае, если результат деятельности не соответствует ожидаемому.

Мария Ферретти (Ун-т Витербо, Италия) в докладе, посвященном изучению судьбы ярославского рабочего В.И. Люлина, предприняла весьма плодотворную попытку применить опыт микроисторического подхода к исследованию генезиса сталинизма. Изучение личности одного рабочего человека позволило автору отметить «остроконфликтный характер взаимоотношений между рабочими и советской властью и, в частности, сопротивление, оказанное начатой во второй половине 1920-х гг. политике модернизации экономики в рекордные сроки». Затронутая в докладе тема позволяет по-новому взглянуть на проблему места и роли рабочих в политической системе советского государства. По мнению автора, «установление сталинской диктатуры было конечной точкой развивавшегося по спирали и становящегося все более радикальным политического и социального конфликта, вызванного глухим сопротивлением рабочих (и, шире, всего общества) тому проекту модернизации, который навязали стране большевики».

Заслуживает внимания и попытка Марии Ферретти отказаться от оценок и стереотипов времен холодной войны, вывести проблему генезиса сталинизма за рамки чисто российской истории и рассмотреть ее в контексте общеевропейского развития. Автор полагает, что сталинизм являлся «крайним экспериментом западной модерности, подавляющей соблазнительным идеям о человеческом всемогуществе, возможности „ковать“ новых людей и создавать райскую жизнь будущего. Такое прочтение сталинизма... могло бы способствовать в более общем плане тому, чтобы переформулировать понятие тоталитаризма, который в такой перспективе представляется формой реакции на кризис модерности, столь мучительно переживаемый Европой на заре XX в.».

Барбара Энгел (Ун-т штата Колорадо, США), открывшая третью секцию коллоквиума «Личность и общество: Социальные контексты субъективности» докладом «Семейный деспотизм и права личности: Политический аспект личного на закате Российской империи» и Ольга Великанова (Ун-т Северного Техаса, США), завершившая секцию докладом «Крестьянский союз в 1920-е гг. и формирование крестьянской идентичности: Модернизационный дискурс», обратили внимание на либеральную подоплеку понятия «личности», подразумевающую в первую очередь защиту личного достоинства и гражданских прав.

Энгел, исследовавшая обращения женщин к властям с жалобами на деспотизм мужей, отметила, что термин «личность», использовавшийся с середины XIX в. российскими либералами как символ борьбы индивидуума за независимость и за право самовыражения, не ограниченное деспотическим произволом властей, в конце XIX в. стал использоваться не только представителями более низких ступеней социальной лестницы для обозначения их чувства собственного достоинства, ценности их человеческого существа, их права на соответственное к ним обращение, но и официальными чиновниками. Это, по ее мнению, свидетельствовало о серьезной эволюции взглядов официальных лиц, а также о том, что «признание чиновниками личных прав женщин может означать и далеко идущие сдвиги в том, как облеченные властью мужчины воспринимали отношения между личностью и государством».

Великанова, исследовавшая массовое стихийное движение советского крестьянства за создание Крестьянского союза, попыталась переосмыслить некоторые устоявшиеся в историографии положения — «общепринятое восприятие крестьянства как класса политически пассивного и имеющего сравнительно низкое классовое сознание». Выявленные ею аргументы и практики свидетельствовали о серьезных изменениях в политическом сознании и поведении крестьян, «отражали крестьянские культурные модели вхождения в современное общество и процесс новой самоидентификации».

Чаще всего российско-советское слово «личность» определяют как нравственный и однозначно социальный идеал с заданностью на служение обществу и на историческую значимость. Такое понимание противопоставляется, сравнивается с мещанским, декадентским «я», выпячивающим себя, как еще одна форма личности, получившей широкое распространение после Революции 1905 г. Однако очень скоро такое понимание личности было отвергнуто интеллигенцией как нравственно несовершенное, уродливое. Это убедительно показал в докладе «Ущербная, падающая личность: Общественный дискурс личности в городской жизни России 1906—1916 гг.» Марк Стейнберг (Иллинойский ун-т, США), подчеркивающий, что если в XIX столетии дискуссия о личности ограничивалась кругом интеллектуальной элиты, то к началу 1910-х гг. проблема стала предметом обсуждения самых широких городских слоев.

Новыми подходами к изучению традиционной темы отличается доклад Б.И. Колоницкого (СПбИИ РАН), посвященный изучению восприятия современниками личности А.Ф. Керенского в контексте политической культуры 1917 г., положившего начало выработке принципиально новых форм отношения к политическим лидерам. Несмотря на претензии на абсолютную новизну, на полный разрыв с дореволюционным прошлым, русская революция, по мнению автора, продолжала традицию монархической политической культуры, а культ Керенского утверждал политические, этические и нравственные ценности, которые получили дальнейшее развитие в СССР.

О.Г. Усенко (ТвГУ) в докладе «О моделировании личности в российском игровом кино 1908—1919 гг.» предпринял интересную попытку выявить и теоретически осмыслить воплощенные в российских кинолентах и фильмографии 1908—1919 гг. типичные идейно-эмоциональные феномены, которые явно или скрытно навязывали кинозрителям социально значимые представления, умонастроения и поступки. Как показал автор, соотношение индивидуальности

и личности в российском кинематографе понималось «как диалектика сугубо интимного и общественного. Имел место умеренный конформизм: общественное ставилось выше индивидуального, но столкновение этих двух начал осознавалось как ситуация выбора, где последнее слово всё же было за индивидом». Идеалом человека являлся страдалец — индивид, претерпевающий невзгоды, а для продвигаемой кинематографом модели личности была характерна установка на то, чтобы активность человека была направлена не вовне, в внутрь него самого.

Большой интерес в методологическом плане представляет собой группа докладов четвертой секции «Самоопределение на фоне образа „другого“». Самоопределение как отдельного человека, так и общественной группы чаще всего отталкивается от образа «другого». Более глубокое знакомство с жизнью и культурой другого народа неизбежно заставляет человека сравнивать, искать общее и особенное и в конечном итоге позволяет глубже понять самого себя.

Герои доклада Лаури Манчестер (Ун-т штата Аризона, США), репатрианты из Китая, воспринимают и оценивают советскую действительность, основываясь на сохраненных в эмиграции представлениях, идеалах и элементах культуры дореволюционной России, носителями которых они являлись. Н.П. Тимофеева (Центральный филиал Российской академии правосудия, Центр устной истории, Воронеж) в докладе «Война и послевоенное пребывание за границей как катализатор личного самоопределения офицеров Советской военной администрации в Германии, 1945—1949» показывает, как меняются у советских офицеров представления о немцах и Германии в первые послевоенные годы, с одной стороны, и какое влияние знакомство с культурой другого народа оказывает на становление личности самих офицеров — с другой. Рассматривая столкновение советского туриста 1950—1960-х гг. с культурой зарубежных стран, А.Н. Чистиков (СПбИИ РАН) анализирует образ туриста, созданный советской пропагандой, и сравнивает его с поведением реального человека, оказавшегося в иной культурной среде.

Большое влияние на самоопределение советского человека на протяжении всей советской истории и особенно после 1945 г. имели его представления о США и об американцах, причем термин «капитализм» всё больше ассоциировался с США. Дина Файнберг (Ратгерский ун-т, США), посвятившая свой доклад анализу работы группы советских журналистов-международников в США в 1950—1960-е гг., показала, как журналисты, воздерживаясь от прямых сравнений и открытых идеологических высказываний, «удовлетворяли интерес к американскому „другому“ и использовали „другого“ для иллюстрации желаемых качеств социалистической личности».

Анализ работы известных советских американистов Бориса Стрельникова и Станислава Кондрашова приводит автора к выводу о том, что их творчество «противоречит традиционным восприятиям советской прессы как безликого монолита пропаганды». Наличие индивидуального стиля и хорошо заметного отпечатка личного опыта свидетельствует о том, «что работа журналистов в советской прессе могла служить средством выражения личных мнений и индивидуального понятия социалистической идеологии».

Тема самосовершенствования личности, весьма популярная в литературе XIX в., была поднята на небывалую высоту советскими идеологами в рамках концепции создания «нового человека», проникнутого идеалами коммунизма.

Различным практикам создания и продвижения идеалов личности в период сталинизма посвящены доклады, представленные в пятой секции.

«Работа над собой», широко распространенная в коммунистическом мире начиная с 1920-х гг., стала обычной практикой на предприятиях и в либеральных странах. Этот феномен исследовал в докладе «Сравнительный анализ режимов субъективности в период между войнами (Советский Союз и Франция)» Ив Коэн (Высшая школа исследований по общественным наукам, Франция), поместив изучение советской субъективности в более широкий исторический и компаративный контекст.

Огромное значение в деле формирования «нового человека» в советское время придавалось искусству, особенно литературе и кинематографу. Исследуя специфические приемы, присущие кинематографу сталинского времени, Андрей Щербенок (Шеффилдский ун-т, Великобритания) отвечает на вопрос, чем обусловлено восприятие современным человеком сталинского кино как «другого» и каким предположительно был зритель сталинской эпохи, воспринимавший это кино как «свое». По мнению автора, «сталинское кино даже в своих развлекательных жанрах предполагает зрительскую готовность к работе над собой, отношение к себе как продукту (само)воспитания, а не как к данности», причем «сталинское кинообразование отличалось гораздо большей радикальностью и, как можно предположить, эффективностью, поскольку требовало не поэтапного реформирования личности, а одномоментного изменения оптики, через которую субъект воспринимает и мир, и самого себя».

Социокультурный переворот после 1917 г. был связан с принципиальным пересмотром набора «генераторов биографий», действовавших в обществе, причем в официальной советской культуре в 1930-е гг. произошел сдвиг от автобиографии в сторону нормированной биографии. Именно таким своеобразным «генератором биографии», по мнению Франциски Тун-Хоенштайн (Центр изучения литературы и культуры, Германия), в 1930-е гг. стала биографическая серия «Жизнь замечательных людей», изучению которой она посвятила свой доклад.

Формированию в сталинском обществе канонических образов русских ученых и их нормированных биографий в литературе, вузовской преподавательской работе и в искусстве посвящено исследование А.Н. Еремеевой (Краснодарский ГУ культуры и искусств). «Пропаганда биографий русских ученых, — подчеркивает автор, — была неотъемлемой частью государственного проекта патриотического воспитания во второй половине 1940-х — начале 1950-х гг.», однако примат жестких идеологических требований над исторической правдой, стимулированием читательского или зрительского интереса предопределил неудачу этого проекта.

Группа докладов, объединенных в шестой секции «Личность и война», исследует проблемы формирования и самоопределения личности в условиях военного времени. В отличие от впечатляющего движения ветеранов Великой Отечественной войны, общества участников Первой мировой войны не получили в Советской России заметного распространения. Анализу причин этого явления посвящен доклад Александра Сумпфа (Страсбургский ГУ, Франция) «Политическая мобилизация и военная демобилизация ветеранов как общественный и личный опыт Великой войны в России (1914—1921)». Автор полагает, что ветеранские организации участников Первой мировой войны не смогли в достаточной степени развиться

не только из-за сложной внутривластной обстановки и отрицательного отношения к ним большевистской власти, а в силу своей внутренней слабости: «Опыт войны не позволял им требовать специфического места в новом обществе».

Доклад Эмили Ван Баскирк (Ратгерский ун-т, США) анализирует саморефлексию Лидии Гинзбург на катастрофические события советского времени и ее наблюдения над «истребляемым, испытываемым катастрофами человеком». Годы ленинградской блокады явились, по мнению автора, поворотным моментом в творческом и интеллектуальном развитии Гинзбург и заставили ее вновь обратиться к разработке концепции нового человека — не индивидуалистической, или постиндивидуалистической личности, пытающейся найти свое место во враждебном ей мире.

Ведение дневников, являясь одной из практик самопознания, самоконтроля и самосовершенствования, в условиях катастрофической ситуации может приобрести совсем иное значение для личности их авторов. Об этом свидетельствуют выводы докладов Алексис Пери (Калифорнийский ун-т, США) «Личность в осаде: Самоанализ в дневниках блокадного Ленинграда» и Полины Барсковой (Хэмпшир Колледж, США) «„Автопортрет перед смертью“: Воспроизведение блокадной личности посредством гибридного дневника». Заслуживают самого пристального внимания примененные авторами оригинальные методики анализа текстов блокадных дневников и художественных образов.

Доклады последней, седьмой секции возвращают к проблеме формирования «нового человека» и анализируют причины неудач этого социального эксперимента. М.Я. Рожанский (Центр независимых социальных исследований и образования, Иркутск) исследует большой массив интервью и воспоминаний участников «больших строек коммунизма». Приезжавшие на большую стройку искали новых человеческих отношений, и их ожидания, как показывает автор, оправдывались. Тяга к общности стала предпосылкой к массовому возникновению в 1960-х гг. «неформальных коллективов». По мнению автора, общность не копируется — это процесс не столько воспроизводства образцов, сколько импровизации в соответствии с идеалами поколения и социальными ожиданиями. В поколениях «коллективистов» — энтузиастов 60-х и «индивидуалистов» 80-х нет оппозиции друг другу: «И там, и здесь речь идет о выработке соотношения индивидуализма и общности».

С.А. Панкратов (Волгоградский ун-т) в докладе «Трансформация имперского „я“ в сознании моего поколения, или Сегодняшние сорокалетние о 80–90-х гг. прошлого века» анализирует поведенческие практики объективно наиболее активного (среднего) поколения, влияющие на жизненные стратегии как молодежи (детей и даже внуков), так и родителей. Автор рассматривает изучаемое время как период формирования кризисного типа личности, свободного от обязательств и глубоких привязанностей, что позволяет пребывать вне идентичности или сразу в нескольких идентичностях. Более того, для значительной части граждан именно маргинальность оказывается наиболее устойчивой и удобной социальной позицией в условиях «переходного общества».

Анатолий Пинский (Колумбийский ун-т, США) посвятил свой доклад «Значение искренности: Федор Абрамов и первая „оттепель“, 1952–1954 гг.» проблеме взаимоотношений творческой личности и власти в период, когда всё общество было охвачено ожиданиями прогрессивных перемен. Основной источник — неопублико-

ванный дневник Ф. Абрамова, запечатлевший дух оттепели, ее непостоянство и незавершенность, и ее основную идею — то, что именно маленькие обычные люди превратят оттепель в весну и, в конце концов, в лето коммунизма. Различное понимание властью и интеллигенцией путей и допустимых пределов трансформации личности и общества, по мнению автора, послужило причиной конфликтной ситуации, пережитой Ф. Абрамовым в жизни и на страницах своего дневника.

Николай Митрохин (Бременский ун-т, Германия) докладом «„Ответственный работник ЦК КПСС“ Владимир Сапрыкин: Карьера одного советского профессионального атеиста» убедительно опровергает устоявшееся представление о полной противоположности (несовместимости) интеллигенции и партийного аппарата. Анализируя судьбу В. Сапрыкина, автор показывает типичный пример карьерного роста, демонстрирующий, «какое продолжение внутри советского общества получили те формы социальной организации, которые сложились в предреволюционный период».

Вынесенные на обсуждение доклады ведущих специалистов России, США и Западной Европы (историков, философов, политологов, социологов, литературоведов и искусствоведов) получили высокую оценку участников коллоквиума и спровоцировали оживленную научную дискуссию. Обсуждение показало, что попытка исследования проблемы субъективности в российской истории на междисциплинарной основе носит новаторский характер, имеет хорошие перспективы и способствует обогащению методов исторического исследования. Применение компаративных подходов выводит изучение узловых проблем российской истории за узкие национальные рамки и помещает его в контекст общемирового развития.

Представленные доклады показали, что изучение яркой индивидуальности на примере биографий творческой интеллигенции и исследование личности рядового человека, носителя коллективистского сознания, имеют свою специфику, свой круг источников и требуют различных методических подходов. Участники коллоквиума не ограничились обсуждением проблемы изучения опыта отдельной уникальной личности, но поставили вопрос о необходимости исследования массового сознания, а также механизмов трансформации идеальных моделей личности в практики индивидуального поведения.

Весьма плодотворной представляется высказанная в ходе дискуссии идея о зарождении особой советской и постсоветской формы индивидуализма, которая отчасти позволяет осмыслить роль личности в событиях 1980—1990-х гг.

Обсуждение идеи персональности способствовало пониманию того, что невозможно изучать ни интеллектуальную историю, ни идеальные концепции личности, ни индивидуальные практики в изоляции друг от друга, но необходимо видеть их взаимосвязи и взаимовлияние.

Рассмотрение проблемы субъективности в рамках большого хронологического периода — от конца XIX и до конца XX в., отказ от обычного противопоставления двух исторических эпох (до Революции 1917 г. и после нее) позволили увидеть не только различия, но и общие черты, характерные для российского человека, проанализировать его эволюцию на протяжении столетия.

По мнению ряда участников коллоквиума, такая черта, как изначальное стремление человека к самореализации, к критической и исторически активной личности, к идеалу, к которому должно было стремиться, но который, возможно, никогда

не мог быть целиком осуществлен, — один из фундаментальных компонентов российской и советской культуры, может быть, один из основных ее двигателей.

Коллоквиум 2010 г. — результат большой подготовительной работы, которая продолжалась около трех лет совместными усилиями российских и американских ученых. Организаторами коллоквиума выступили Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Северо-Западное отделение Научного совета РАН «История социальных реформ, движений и революций» и Ратгерский университет (США).

Финансовую поддержку в подготовке и проведении коллоквиума оказали Ратгерский университет (США) и Российский гуманитарный научный фонд (Москва).

В оргкомитет поступило около 200 заявок. Для участия в коллоквиуме было отобрано 33 заявки, представлен на конференцию 31 доклад, в том числе 15 докладов российских ученых и 16 — зарубежных.

Доклады были доступны для предварительного ознакомления на сайтах Санкт-Петербургского института истории РАН и Ратгерского университета (США). Все участники коллоквиума накануне конференции получили также «Сборник научных докладов», напечатанный тиражом в 100 экземпляров. Доклады на коллоквиуме не зачитывались. Авторы имели возможность их краткого представления. Основное время было уделено научной дискуссии по затронутым в докладах проблемам.

Конференция продолжалась 4 дня. Официально было зарегистрировано 97 участников, в том числе 27 зарубежных (Англия, Германия, Израиль, Италия, Латвия, США, Франция). В ходе научной дискуссии прозвучало около 90 выступлений. Н. Плотников, не имевший возможности приехать в Санкт-Петербург, участвовал в дискуссии в режиме видеоконференции, а Г.С. Померанц, также отсутствовавший, выступил с видеообращением.

Магнитофонная запись дискуссии осуществлена А.И. Богомоловым и Т.Ю. Ворониной, расшифровка фонограммы выполнена А.И. Богомоловым.

Помещение для конференции предоставил Европейский университет в Санкт-Петербурге. Проведение коллоквиума не было бы возможным без деятельной поддержки сотрудников научных и технических подразделений Санкт-Петербургского института истории РАН и Европейского университета в Санкт-Петербурге, а также группы аспирантов-волонтеров под руководством М.С. Федотовой.

В процессе подготовки к изданию доклады подвергались авторскому сокращению. При публикации дискуссии опускались приветствия, выражения благодарности, организационные и информационные сообщения.

Сборник открывает статья Б.И. Колоницкого и У. Розенберга, посвященная памяти выдающегося американского историка Л. Хеймсона (1927–2010), одного из главных инициаторов проведения в Санкт-Петербурге международных научных коллоквиумов по русской истории.

Первый такой коллоквиум состоялся в 1990 г. тогда еще в Ленинграде. Двадцатилетней истории международного научного сотрудничества были посвящены выступления Н.Н. Смирнова и С.И. Потолова на открытии 8-го Международного научного коллоквиума 7 июня 2010 г., которые предваряют материалы конференции.